

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ И ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015 г. Розалина Васильевна Шагиева¹

Аннотация: в статье с позиций общей теории права обосновывается необходимость правоотношений в правореализационных процессах, критикуется концепция реализации права “вне правоотношений”. Являясь единственным каналом, через который происходит воплощение в жизнь норм права, правовые отношения имеют сложные взаимоотношения с правомерным поведением, в ходе раскрытия которых автор излагает собственную позицию относительно теоретической модели функционирования правовой системы общества.

Annotation: in this article from the standpoint of the general theory of the necessity of legal rights in legal realization processes, Critics of the right “is involved”. As the only channel through which the expression in the life of the law, the legal relations have complex relationships with lawful behavior during the disclosures of which the author presents his own position on the theoretical model of the functioning of the legal system of the society.

Ключевые слова: правовые отношения, субъективное право, юридическая обязанность, правовая деятельность, правовая система.

Key words: legal relations, the subjective right, a legal obligation, legal activities, the legal system.

Учение о правоотношении успешно формируется в юриспруденции уже долгое время, однако многие аспекты его научного осмысления до сих пор относятся к числу дискуссионных. Главным источником развития и совершенствования учения о правоотношении всегда выступала практическая значимость самих правовых отношений, так как их образование и функционирование во многом обуславливают эффективность процессов правореализации. Вполне обоснованно, например, утверждалось, что теория правоотношения являлась важным и развитым компонентом советской юридической науки². Полагаем, что и сейчас учение о правоотношении несколько не потеряло своего значения и по-прежнему востребовано как юридической наукой, так и практикой.

Правоотношение – это разновидность общественных отношений. Люди, взаимодействуя друг с другом, вступают в различного рода социальные связи: личные, религиозные, этические и т.д. Некоторые из них возникают по воле конкретных лиц, другие являются объективными связями, возникшими задолго до появления конкретного человека или даже целого поколения людей. Соответственно, первые из указанных отношений в случае необходимости регулируются правовыми нормами дискретного действия, обязательно

имеющими гипотезу, а вторые – нормами постоянного действия, не нуждающимися в таком структурном элементе³. В любом случае лишь те из них, что в силу своей социальной значимости требуют правовой регламентации, подвергшись властному юридическому воздействию, и становятся правоотношениями.

В правоотношении его участники достигают согласия, консенсуса, нивелируют существующие противоречия и тем самым создают необходимые условия для совместной конструктивной деятельности. В этом усматривается социальное предназначение правоотношений как разновидности общественных отношений. Как отмечают современные исследователи, правоотношение – это не только форма общественного отношения, но и динамичное развитие реальной действительности, внешнее проявление активных и пассивных действий субъектов отношения⁴. Но достигается это благодаря тому, что они возникают на основе и в соответствии с нормами права и не противоречат воле государства. Даже в учебной литературе ныне утверждается, что правоотношения – следствие действия права как социального и государственного института. Специфика правоотношения состоит в том, что, в отличие от других общественных связей, оно представляет собой как бы

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: shagsas@mail.ru).

² См.: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 4.

³ См. об этом: Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации. М., 2014. С. 30.

⁴ См.: Прокопьев А.Ю. Понятие и особенности правовых отношений в общетеоретическом правовом учении // Современное право. 2015. № 3. С. 5.

сплав государственной и индивидуальной воли, что делает их более стабильными, устойчивыми, они приобретают желаемую направленность⁵.

В настоящее время в отечественном правоведении термин “правоотношение” употребляется для обозначения двух разнопорядковых правовых явлений. Во-первых, им обозначают определенное средство правового воздействия на общественные отношения. Понимаемое *в узком смысле*, оно предстает как взаимосвязанная совокупность персональных субъективных прав и юридических обязанностей, возникших на основе норм права. Так, по мнению Ю.К. Толстого, правоотношение – “это особый вид идеологических общественных отношений, при посредстве которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения в их реальной форме”⁶. Во-вторых, результат такого воздействия тоже называют правовыми отношениями. Здесь имеются в виду конкретные, реальные общественные отношения, которые приобрели определенную форму под регулирующим воздействием права⁷. Именно в таком, *широком смысле* правоотношение выступает как общественное отношение, урегулированное правом. Такое представление о правоотношении как единстве материального содержания и юридической формы в теории права признается наиболее устоявшимся в дореволюционной и советской юридической науке⁸. Хотелось бы с современных системно-деятельностных позиций остановиться на понимании правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом.

Лишь при первом приближении правоотношение выглядит как возникающая на основе правовых норм индивидуализированная, волевая связь физических и юридических лиц, взаимные субъективные права и обязанности которых охраняются и защищаются принудительной силой государства (узкий смысл понимания правоотношения). Если бы только этим – возникновением правовых связей между конкретными субъектами исчерпывалась роль правоотношений в правовом воздействии на общественную жизнь, то вряд ли бы правовая форма имела ту ценность, которой она обладает на самом деле. Зачем вступать в правоотношения, если затем не воспользовать-

ся предоставляющимися возможностями или, приобретя обязанности, не стремиться их исполнить должным образом? Возражая против такого подхода, в юридической литературе уже давно обращено внимание на то, что сужение понятия правоотношения до такой степени, чтобы в него можно было включать результат действия нормы, устанавливающей лишь возможность прав и обязанностей, привело бы к тому, что оно потеряло бы по существу свое научное значение и практическую ценность⁹.

Главное предназначение правоотношения заключается в том, что оно *выступает специфическим каналом реализации норм права*. Часто их образно называли в юридической литературе главным средством перевода требований нормы права в практическую жизнь: “Социальная роль каждого правоотношения заключена в том, чтобы абстрактная модель нормы права реализовалась в фактическом поведении сторон”¹⁰. Оставаясь лишь правовой связью (идеальной формой), правоотношение такую роль выполнить не смогло бы.

Общественные отношения, являясь объектом правового регулирования, выступают затем в ходе реализации права в качестве формы и содержания *осуществляемой деятельности*, причем как в идеальном, образном, так и в реальном, фактическом виде. Они возникают и существуют “идеально”, пока складываются и функционируют в образе той модели, которая намечена в соответствующей правовой норме, и наполняются живым содержанием, когда данная модель находит конкретное жизненное воплощение в реальном поведении участников этих отношений¹¹.

Государственная воля находит свое воплощение в тех юридических формах, в которых складываются регулируемые отношения, индивидуальная – в конкретных действиях субъектов правореализации. Согласованность индивидуальной воли с государственной, их общая направленность способствуют единству юридического и фактического содержания этих общественных отношений, обеспечению претворения намеченного законодателем в повседневную жизнь на всех ступенях происходящих при этом процессов.

Правильно ли объяснять все многообразие правореализационных процессов через воплоще-

⁵ См.: Сырых В.М. Теория государства и права. Учеб. М., 2007. С. 308; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: М., 2006. С. 384, 385.

⁶ Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении // Правоведение. 1969. № 1. С. 32.

⁷ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 91.

⁸ См.: Прокопьев А.Ю. Указ. соч. С. 6.

⁹ См.: Халфина Р.О. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Шергенз Н.А., Бойко Н.Н. К вопросу о правоотношениях // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 4. С. 101.

¹¹ См. подробнее: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005.

ние правовых норм только в правоотношениях? Сторонники этого взгляда исходят из того, что право регулирует общественные отношения самых различных видов, и не усматривают никаких препятствий для признания всех связей, взаимозависимостей, разграничений субъектов в ходе его воплощения в жизнь правоотношениями¹². Следовательно, если понимать под правоотношениями регулируемые правом общественные отношения, взятые *в единстве их формы и фактического содержания*, то можно ответить на поставленный вопрос лишь положительно. Любое общественное отношение, подвергаемое властному юридическому воздействию, становится *правоотношением*.

В ходе реального процесса осуществления права общественное отношение, подпадая под его воздействие, возникает в обозначенной в нем юридической форме, которая потом наполняется реальным содержанием в виде фактического волеизъявления, оцениваемого сквозь призму этой формы с точки зрения его правомерности. Не случайно практически господствующим в юридической литературе является признание правоотношения в качестве единственного пути (средства) правореализации. С.С. Алексеев пишет: «Значение правоотношений как главных средств, обеспечивающих функционирование норм права, является всеобщим»¹³.

Конечно, общественные отношения весьма разнообразны. Они возможны не только в форме двух- или многосторонних связей, но и в форме отграничений, зависимостей и односторонних контактов. Нормы права, определяющие правовой статус, всеобщие права или юридические запреты, отграничивают одного субъекта права от другого, указывают на всеобщую зависимость, обособляют от запрещаемого (вытесняемого) отношения и т.д.¹⁴

Однако и в таких случаях речь идет лишь об особенностях **правоотношения**, а не о так называемой реализации «вне правоотношений». Правоотношением становится любое общественное отношение, являющееся объектом правового регулирования и одновременно каналом реализации упорядочивающей его правовой нормы. Тем не менее в советский период среди ученых-

юристов была довольно распространена идея о возможности реализации правовых норм и вне правоотношений¹⁵. Она была основана на отнюдь не бесспорном научном предположении о необходимости различать общественные отношения и общественные связи¹⁶.

Сторонники концепции реализации права «вне правоотношений» считали, что в ходе реализации норм-запретов, норм-принципов, статутных норм (устанавливающих правовой статус лиц) никто ни в какие правоотношения друг с другом не вступает, реализация осуществляется через какие-то своеобразные общественные связи, не являющиеся общественными отношениями.

Такая позиция не имеет под собой никаких оснований. Еще никто из сторонников этой концепции так и не сумел объяснить, через какое проявление общественной жизни (если не через общественное отношение) происходит в этом случае осуществление права. Хотя господствовавшая ранее в литературе точка зрения о том, что общественная связь неотделима от общественного отношения, есть общественное отношение, стала подвергаться сомнению, большинство философов все же указывали, что не любое общественное отношение есть общественная связь, что понятие отношения, наоборот, шире понятия связи.

Так, например, В.П. Тугаринов писал, что «отношение может не связывать, а разъединять явления»¹⁷. Общественные отношения, возникающие как результат предметной деятельности, представляют определенный итог этих связей, зависимостей, отграничений.

Соответственно, в юридической литературе и оказалось применимым следующее определение: общественное отношение – это структурная совокупность конкретно-исторических связей, зависимостей и разграничений между субъектами, возникающая в результате и в ходе общественно значимой, чувственно-предметной деятельности, осуществляемой с участием сознания, регулируемой и опосредуемой соответствующими социальными нормами и учреждениями¹⁸. Таким образом,

¹² См.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 172.

¹³ Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 95.

¹⁴ См.: Фаткуллин Ф.Н. Основы теории государства и права. Казань, 1995. С. 157; Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 536–569.

¹⁵ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 18–25; Явич Л.С. О путях воздействия права на общественные отношения // Сов. гос. и право. 1959. № 6. С. 31; и др.

¹⁶ См.: Гревцов Ю.И. К проблеме правового отношения // Правоведение. 1981. № 1. С. 50.

¹⁷ Тугаринов В.П. О соотношении категорий диалектического материализма. Л., 1956. С. 42.

¹⁸ См.: Раскатов Р.В., Ткаченко Ю.Г. Проблемы общей теории государства и права. Учеб. пособие по спецкурсу. Вып. 4. М., 1977. С. 66, 67.

все находится в отношениях, но не все находится в связях. Этот вывод имеет большое значение для понимания правоотношения.

Нельзя не отметить, что некоторые исследователи по-прежнему настаивают на возможности реализации правовых норм “вне правоотношений”, правда, как части лишь первого, основного компонента механизма осуществления правовых норм¹⁹. Современный теоретик права А.В. Погодин утверждает, что правореализация в динамике и на микроуровне состоит из многообразных конкретных правовых отношений, а также – вне конкретных правоотношений²⁰.

При сопоставлении неоднозначных толкований категории “правоотношение”, имеющих в современном научном правоведении, нельзя не заметить, что они не носят взаимоисключающего характера, а вызваны стремлением (как с одной, так и с другой стороны) отразить в научных понятиях ставший очевидным факт многообразия опосредуемой правом социальной реальности в сфере правореализации.

Поэтому более плодотворным представляется широкий подход к трактовке самих общественных отношений, выделение в их составе отдельных видов, некоторыми из которых и выступают нетипичные (с точки зрения сторонников обособления общественных связей) общественные отношения.

В свою очередь, любое общественное отношение, урегулированное правом, есть смысл называть не иначе, как правоотношение. Тогда все позитивное, что получено в результате научного анализа реализации “вне правоотношений”, можно рассматривать в качестве серьезного вклада в исследование особых видов правоотношений (статутных, абсолютных и т.п.), который займет свое место рядом с материалом о “традиционных” конкретных правоотношениях. Блестящим подтверждением может послужить исследование общерегулятивных правоотношений²¹.

Субъективные права, юридические свободы, юридические обязанности и полномочия осуществляются в реальном поведении соответствующих участников правоотношений. В состав правоотношения может входить не любое поведение, а только *соответствующее требованиям нормы*

права, отклоняющееся же поведение выходит за его рамки (но оно может стать юридическим фактом, влекущим возникновение другого, охранительного правоотношения, в котором реализуется санкция правовой нормы).

Будучи только *правомерным*, данное фактическое поведение как элемент реализующегося правоотношения должно не только соответствовать осуществляемой правовой норме, но и направляться теми субъективными правами и юридическими обязанностями, которые возникли у его участников²², позволяя им достичь той цели, ради которой они вступили в данное правоотношение. При этом данная цель не должна противоречить той, которая была намечена законодателем для такой правовой нормы.

В этой связи в юридической литературе указывается на еще один дополнительный признак правомерности поведения в рамках возникшего правоотношения – “на его соответствие той цели, ради достижения которой существует данная норма права, данные права, свободы, обязанности.

Поведение, которое хотя и не выходит за рамки правовой нормы и юридической формы регулируемого ею отношения, однако явно противоречит целям законодателя, назначению имеющих прав и полномочий, не может признаваться *правомерным*”²³.

Фактическое поведение участников возникших правоотношений сохраняет качество элемента состава этого правоотношения только до тех пор, пока оно не вступает в явную коллизию с целью реализуемой нормы права²⁴ и с назначением субъективных прав (полномочий), не идет в ущерб законным интересам других лиц.

Например, нельзя считать норму уголовного процесса реализованной, если осуществление предусмотренных ею действий субъектов служило совсем иным целям, чем это предписано в законе (представим, что следственный эксперимент был проведен не в целях проверки и уточнения

¹⁹ См.: Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 73.

²⁰ См.: Погодин А.В. Элементы теории правореализации. Дисс. ... доктора юрид. наук. Казань, 2014. С. 15.

²¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 119–138.

²² На это обстоятельство особо обращают внимание в юридической литературе: «Из этого следует, что фактические действия и бездействие субъектов правильного, законного правоотношения основываются на возникших субъективных правах и юридических обязанностях и осуществляются в соответствии с ними, а не последние “подстраиваются” под эти осуществленные действия и бездействие» (см.: Проблемы теории государства и права. Учеб. / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 431).

²³ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 163.

²⁴ Не случайно в качестве нетрадиционного (“побудительного”) элемента состава правоотношения называют его *цель* (см.: Проблемы теории государства и права / Под ред. В.М. Сырых. С. 441).

данных, имеющих значение для уголовного дела (ст. 181 УПК РФ), а для унижения чести и достоинства некоторых лиц или в корыстных интересах и т.п.).

Ведь субъекты правоотношения должны руководствоваться при ее осуществлении именно теми целями, которые были обозначены в правовых нормах (если, конечно, этот элемент наличествует в структуре реализуемой нормы права).

Это принципиальное положение нередко подчеркивается в действующем российском законодательстве. Статья 209 ГК РФ, например, при закреплении права собственника “по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия” прямо указывает на то, чтобы такие действия не только не противоречили закону, но и не нарушали “права и охраняемые законом интересы других лиц”.

Не случайно в отечественном правоведении все увереннее утверждается понимание злоупотребления правом или полномочием как неправомерного деяния, заключающегося в действиях, которые хотя по внешним признакам не выходят за границы субъективного права или полномочия, однако прямо противоречат той цели, ради которой оно устанавливается законом, объективно ущемляет права, свободы и интересы других лиц²⁵.

Говоря о правомерной деятельности, следует также иметь в виду, что под ее признаки подпадают не только соответствующие нормам права, но и любые другие, *прямо ими не запрещенные действия* субъектов правоотношений, гарантированные государством.

Действительно, сегодня в рамках регулятивных правоотношений многообразие правовой жизни как юридически признанной свободы индивидов и их объединений расширяется и обогащается за счет многовариантности и неоднозначности *всех незапрещенных действий*, а также за счет тех волеизъявлений их субъектов, которые имеют *общую положительную направленность на охраняемые государством интересы*.

При этом речь идет не о расширении пределов правового регулирования, в рамках которых действия субъектов будут подвергаться жесткому государственному регламентированию, а прежде всего об изменении приемов и способов правового регулирования, связанных с новым сочетанием

модусов “разрешено” и “запрещено” в структуре правовых норм и порождающих самые разнообразные вариации свободного, дозволяемого поведения. Это приводит к обогащению содержания деятельности, признаваемой правомерной, за счет ее проявлений в юридически значимых областях жизни, прямо не обозначенных в законе, но и не запрещенных им.

В контексте учения о правоотношении правомерное поведение означает нормальное развитие и завершение того правоотношения, в состав которого оно входит. Если, скажем, лица, вступившие в договор подряда, правомерными действиями осуществили свои взаимные права и обязанности, то юридическое последствие этого одно – прекращение существовавшего между ними правового отношения.

Но в ряде случаев законодатель предусматривает специальные меры поощрения за осуществление правомерного поведения. Это – правовые нормы, сориентированные на *специально поощряемое поведение*, например за которое предусмотрены те или иные надбавки к зарплате за достижения в труде, за значительный профессиональный стаж и т.д.

Такое поведение отличается от *простого правомерного поведения* не только своей повышенной социальной значимостью, но и тем, что оно влечет за собой возникновение обеспечительного, а конкретнее – поощрительного правоотношения. Взаимные права и обязанности сторон, входящие в состав этого правоотношения, гарантированы государством. Поощрительные средства могут взыскиваться принудительно, если появляется в том необходимость.

Специально поощряемое поведение, в отличие от простого правомерного поведения, влечет за собой возникновение нового, поощрительного правоотношения, в котором одна сторона наделяется правом на получение соответствующего вознаграждения, другая обязана его предоставить.

Формы правомерного поведения участников правоотношения непосредственно зависят от того, что именно: субъективное право, юридическая свобода, юридическая обязанность или полномочие, – реализуется. Субъективные права и юридические свободы **используются**, юридические обязанности **исполняются**, полномочия **осуществляются**.

Причем неиспользование субъективного права является также формой правомерного поведения, если оно не сочетается с неисполнением обязанности. Помимо того, применительно к за-

²⁵ См.: Теория государства и права /Под ред. В.М. Перевалова и В.Д. Корельского. М., 1998. С. 413; *Зайцева С.Г.* Трансформация правовой категории “злоупотребление правом” в категории права // Юрист. 2002. № 11. С. 128.

прещающим и ограничительным нормам нередко выделяют еще одну форму – **соблюдение**, хотя логически здесь можно говорить об исполнении вытекающих из этих норм обязанностей”²⁶.

Но в любом варианте *деятельность правомерная* – это совокупность всех тех волеизъявлений участников правоотношений, которые не противоречат²⁷ праву и направлены на достижение обозначенных в нем целей.

В итоге *правовое отношение* будет рассматриваться нами как такое *взаимоположение его участников*, которое возникает и существует “идеально”, пока складывается и функционирует в образе той модели, которая намечена в соответствующей правовой норме, и наполняется живым содержанием, когда данная модель находит конкретное жизненное воплощение в реальном поведении участников этих отношений.

В этой связи становятся понятными предлагаемые в правоведении определения правоотношения как “специфической формы социального взаимодействия субъектов права с целью реализации интересов и достижения результата, предусмотренного законом или не противоречащего закону и также иным источникам права”²⁸. Тем не менее практическое отождествление правоотношения и правового поведения вряд ли приближает нас к пониманию природы этих правовых явлений, а также затрудняет рассмотрение ряда традиционных вопросов юридической науки (например, проблем предмета правового регулирования, общетеоретической модели правореализации и т.д.).

Следует согласиться с имеющимся в юридической литературе мнением о том, что категории “общественное отношение” и “общественно значимое поведение” органически взаимосвязаны между собой, но вряд ли оправданно как проводить между ними непроходимую грань, так и отождествлять их. Механизм этой взаимосвязи может быть условно представлен следующим образом: «По крайней мере в тех сферах жизнедеятельности людей, где применяется нормативное регулирование, общественное отношение встречается как в “идеальном”, так и объективно-реальном, фактическом виде. Оно существует

“идеально”, пока складывается и функционирует в фазе той модели, которая намечена в социальной норме, и наполняется живым содержанием, когда эта модель находит конкретное жизненное воплощение в реальном поведении участников данного отношения. Если общественные отношения, не подвергаемые нормативному воздействию, появляются и протекают с начала до конца только как фактические, то регулируемые отношения возникают непременно в идеальном виде и уже в этом качестве начинают излучать правовую “энергию”, оказывающую регулятивное и идеологическое воздействие на своих участников. Причем это – существующие, наличные отношения, которым свойственна относительно самостоятельная социальная ценность. ...В отличие от этого, поведение членов общества не имеет идеального состояния бытия. В рамках нормативно регулируемых отношений оно может быть в потенции, поскольку его идеальный образец (масштаб) обозначен в правовой или иной социальной норме. Однако это – пока не наличное, а только возможное, должное или возможно-должное поведение. Дальнейшую регулируемую роль здесь играет не само поведение, а его идеальный образец, трансформированный в субъективное право, обязанность, полномочия и т.д.»²⁹.

Приведенный вариант рассмотрения соотношения указанных категорий представляется перспективным. Понятие социального (общественного) отношения связано с общеправовой категорией отношения. По мнению отечественных философов, “вступить в отношение всегда означает проявить общую природу с соотносящимися и обнаружить на этой основе отличие от соотносящегося”³⁰. В этой связи *отношение* понимается как “взаимоположение обособленных предметов, явлений, возможное в силу их общей природы и основывающееся на их свойствах”³¹. Данное определение применимо и к понятию общественного отношения. Следует только иметь в виду специфику социального отношения, субъекты которого имеют общую природу не в качестве физических или даже биологических существ, а в качестве деятелей, совершающих осмысленные и ценностно значимые с позиций всего общества поведенческие акты, т.е. деятельность.

Справедливо пишет А.В. Поляков: «Каждый социальный субъект в течение своей жизни живет

²⁶ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 164.

²⁷ Эта формулировка (“не противоречащее”) в последнее время стала весьма распространенной в текстах постановлений Конституционного Суда РФ (см.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 48. Ст. 4551; 2002. № 31. Ст. 3160; и др.).

²⁸ Общая теория государства и права. Академ. курс. В 2-х т. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 279.

²⁹ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980. С. 66, 67.

³⁰ Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. С. 19.

³¹ Протасов В.Н. Что и как регулирует право. М., 1995. С. 8.

в некоем “правовом поле” прав и обязанностей, императивно-атрибутивная энергетика которого воздействует на окружающих, определяя их поведение по соблюдению общих запретностей, исполнению конкретных обязанностей и использованию определенных правомочий по отношению к субъекту, актуализация которых зависит от разнообразных правовых фактов. В этой ситуации “лицом к лицу”, когда субъекты правоотношения персонифицированы, они выступают как субъекты правовых отношений не только общего, но также конкретного вида»³². Следовательно, правовые отношения предстают как такие обусловленные всей предшествующей деятельностью людей взаимосвязи, взаимозависимости или обособления (разграничения) субъектов правоотношений, которые, возникнув идеально в форме их субъективных прав и юридических обязанностей, затем имеют тенденцию к развитию в соответствии с последними в форме различных реальных действий и операций этих субъектов, т.е. в форме правовой деятельности. Очевидно, деятельность как субстанция³³ правовой действительности выступает сразу в нескольких ролях – и в качестве предпосылки возникновения правоотношений, и в качестве одной из форм их бытия, и в качестве содержания процесса, приводящего к изменению или прекращению конкретного правоотношения. В.Н. Кудрявцев, исследуя правовое поведение, приходит к аналогичному выводу: “Таким образом, поведение, регулируемое правом, включает в себя: а) вступление в правоотношение; б) его реализацию; в) изменение или прекращение правоотношения”³⁴. Сами же правоотношения приобретают в зависимости от различных действий их участников неодинаковые формы бытия. Единство правовой деятельности и правовых отношений обеспечивается одинаковым субъектным составом (субстратом³⁵) и тех, и других. В свое время еще Г.В.Ф. Гегель подчеркивал необходимость “понять и выразить истинное **не как субстанцию** только, но равным образом и как субъект”³⁶. Поэтому в центре проблемы соотношения правовых отношений и правовой деятельности находятся человек и общество, поскольку только в рамках

общественной жизни люди, преследуя свои цели, воспроизводят правовой способ бытия, который единственно и является вместилищем всех правовых явлений и процессов. Именно в нем в рамках правоотношений действуют субъекты правовой деятельности, именно его в последнее время исследуют правоведы, опираясь на принципы системного подхода.

С учетом такого понимания правомерной деятельности и ее диалектической взаимосвязи с правоотношением можно немного иначе рассмотреть проблему *объекта и предмета правоотношения*, которая пока не имеет однозначного решения в юриспруденции. Чаще всего все то, на что направлены действия сторон, что составляет предмет их интересов, рассматривается как объект соответствующего правоотношения.

Философия под объектом (от лат. *objectum* – предмет) понимает то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект – часть объективной реальности, с которой взаимодействует субъект. Как видим, объект и субъект-парные категории. В практической жизни термин “объект” соотносится не только с человеком как разумным существом, но и с любым другим фрагментом действительности (предметом, процессом, состоянием, поведением). Поэтому любое явление, испытывающее на себе воздействие со стороны другого явления, выступает объектом последнего. Именно в этом смысле в юридической науке говорят о субъектах и объектах правонарушений, субъектах и объектах толкования и т.п. Такое понимание объекта применимо и к правоотношению.

Как известно, объектом считается то, на что направлена активность субъекта, все то, что вовлечено в его деятельность в качестве средства ее осуществления. Объект, в отличие от результата, как правило, существует до начала деятельности и в определенной степени предшествует ей. Таким объектом применительно к правовой деятельности выступает организуемая правом социальная действительность в широком смысле, т.е. общественные отношения. Предметом деятельности выступает то в самом объекте, что конкретно в нем подвергается воздействию в направлении достижения поставленной цели³⁷.

Предмет также находится вне самой деятельности и отделен от тех средств, при помощи которых на него оказывается соответствующее воз-

³² Поляков А.В. Указ. соч. С. 541, 542.

³³ О понятии субстанции см.: Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 661.

³⁴ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 43.

³⁵ Субстратом социальных форм движения является человек, целенаправленная деятельность которого лежит в основе всех социальных изменений (см.: Философский энциклопедический словарь. С. 661).

³⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 4. М., 1975. С. 9.

³⁷ Как утверждают философы, целеосуществление есть движение, выделяющее предмет из объекта (см.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1976. С. 39).

действие. Как правило, предметом деятельности выступает объект в тех специфических связях и отношениях, которые вовлечены в данную деятельность. В отличие от природных (имеющих физическую оболочку) объектов, общественные отношения складываются между людьми, наделенными сознанием и волей. И хотя в каждом общественном отношении есть свои специфические закономерности объективного характера, в них обязательно присутствует и сознательно-волевой момент. Поэтому правовая деятельность может воздействовать только на то поведение людей, в котором объективируется их сознание и воля и через которое в конечном счете прокладывает себе дорогу объективная закономерность в данном виде общественных отношений (экономических, духовных и т.д.).

Результатом деятельности всегда является то, что произошло с объектом после активного воздействия субъекта на предмет. Результат – воплощенный в себе итог соответствующих действий и операций субъектов. Результат – завершенная и достигнутая цель правовой деятельности, то, ради чего она изначально начиналась и к чему в конечном счете была устремлена. Если непосредственные результаты деятельности в неправовой сфере представляют собой многообразные социальные блага, доступные чувственному восприятию, то правовая деятельность в этом отношении весьма специфична. Для уяснения данной специфики можно вспомнить, что Х. Арендт выделяла три основные модальности человеческой деятельности: труд (*labor*), удовлетворяющий жизненные потребности; творчество (*work*), противостоящее природной необходимости, создающее мир человеческих предметов; действие (*action*), рассматриваемое в основном как политическая деятельность. Согласно Х. Арендт действие – единственная деятельность, которая создает реальные связи между людьми и реализует человеческую множественность, особенность человеческого бытия в общественном пространстве³⁸.

Данная существенная характеристика применима, на наш взгляд, не только к деятельности политической, но и к деятельности правовой. Правовые действия, влияя на неправовую реальность, порождают специфический вид общественных отношений – правоотношения. Специфика правоотношений состоит в том, что они, преобразуя реальные отношения в систему взаимных связанностей и обязательств их участни-

ков, способствуют созданию абстрагированного от фактичности формализованного мира права со своими особыми условиями и условностями, со своими персонами (правовыми масками), ролями, правилами поведения, процедурами и т.д. Не случайно в юридической литературе уже давно укоренилось сравнение мира права с театром, имея в виду его игровой характер, театральные условности, абстрагированность театрального действия от действительности и т.д.³⁹

В правовом пространстве все действия участников оформляются в системе ритуалов, заменяющих собой реальные отношения⁴⁰. Кроме того, в рамках правоотношений происходит превращение реальных людей в маски – субъектов правоотношений, участвующих в последних не в личном качестве, а в качестве истца, ответчика, продавца, покупателя и т.д., разыгрывая свою инсценировку по поводу реальных действий в соответствии с правовым сценарием. Право “видит” людей не во всем многообразии их личностных качеств и проявлений, но только как носителей определенных социальных ролей (кредитора, должника, правонарушителя, потерпевшего, чиновника, военнослужащего, нетрудоспособного и т.п.) и уравнивает их по этому основанию. В правовое пространство субъект деятельности входит, когда рассматривает себя как любого из всех остальных любых, абстрагируясь от исходных различий, присущих людям. Главной способностью, которой должен обладать субъект в правовом пространстве, является способность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей.

Данную специфическую особенность правового пространства уже отмечали в отечественной литературе: “Суть правового регулирования как раз и заключается в формировании правовых структур, установлении целесообразных отношений между субъектами в определенной социальной сфере через предоставление им субъективных прав и возложение юридических обязанностей,

³⁸ Цит. по: Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 35.

³⁹ См.: Нерсисянц В.С. Философия права. Учеб. для вузов. М., 2003. С. 42; Ветютнев Ю.Ю. Игровая концепция судебной процедуры // Современное право. 2009. № 11. С. 84–90.

⁴⁰ О большом значении ритуалов права, когда само право понимается как активный, живой процесс человеческой деятельности, подробно пишет Г.Дж. Берман: «Ритуал является неотъемлемым элементом права (или по крайней мере судопроизводства), а не просто средством для достижения тех или иных правовых целей. То есть, иначе говоря, реальность любого правового (или рационального) действия... должна основываться на “его принципе”, по отношению к которому само действие выступает как инсценировка» (см.: Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 23, 24).

чтобы вызвать нужное поведение. В результате правового воздействия социальная среда становится как бы пронизанной целесообразными правовыми отношениями, наполняется правовой структурой, что служит основой, своего рода двигателем правомерной деятельности. Если между субъектами уже существует взаимодействие, то в зависимости от потребностей общества можно через установление определенной правовой связи это взаимодействие стабилизировать, закрепить или изменить, а при необходимости прекратить, вытеснить. В подобных случаях наряду с уже существующей социальной связью создается новая, дополнительная связь – правовая. И каждая из них в своей мере оказывает влияние на поведение людей”⁴¹.

Но мало кто обращает внимание на следующий “парадокс” правовой деятельности и порожаемых ею правовых отношений: их непосредственный результат не совсем ощутим в случае благополучного исхода, так как исчерпывается самим процессом их совершения. Более заметен желаемый конечный результат – удовлетворение многочисленных неправовых потребностей людей. Вряд ли человек, добравшись на автобусе до требуемого населенного пункта и выбросив на остановке прокомпостированный талон, будет считать, что результатом его действий по покупке билета и по последующей поездке на автобусе были заключение и реализация договора перевозки пассажиров. Осуществленные в рамках этого договора правовые действия являлись цивилизованным (правовым) способом перемещения на расстояние, который был выбран вместо других неправовых вариантов: путешествия пешком, возможного угона транспортного средства и др. Но означает ли это, что у рассматриваемых правовых действий не было непосредственного результата? Просто он (результат) совпадает с этими правовыми действиями, точнее – сам процесс их совершения и есть преобразование того неправового отношения, на которое происходило правовое воздействие.

Таким образом, непосредственным результатом правовой деятельности можно признать

трансформацию неправовой реальности в систему правовых отношений, в рамках которых из множества вариантов поведения в области экономики, политики и т.д. выбирается вариант, основанный на началах справедливости, благоразумия, целесообразности: определяются условия приобретения субъективных прав и юридических обязанностей, сроки их использования и исполнения, требования к качеству объектов, порядок их передачи и др. Благодаря этому предмет правовой деятельности (поведение) становится правовым, т.е. более организованным и поэтому контролируемым.

Полагаем, что теоретическая модель взаимосвязи правомерной деятельности и правового отношения имеет смысл только в качестве составной части внешней системы “среда – человек – деятельность (отношение)”. Не случайно при попытке создать “внутреннюю модель” (т.е. рассмотреть правоотношение как систему) автор одноименной монографии был вынужден в самом ее начале сделать оговорку, что в работе правоотношение понимается не в строго философском смысле, не просто как правовая связь (структура), а как единство этой связи с рядом явлений, которые считаются его элементами⁴². Нельзя признать такой подход богаче и глубже общеправового понимания отношения, как утверждает В.Н. Протасов⁴³.

Только при рассмотрении функционирования правовой системы общества правомерная деятельность и правовые отношения могут быть системно представлены в соответствии со своим предназначением, заняв определенное место в целостной картине правореализации в современных условиях. Наибольший интерес представляет теоретическое моделирование такого функционирования правовой системы, при котором обеспечивается свободное осуществление субъектами правомерной деятельности своих субъективных прав и юридических обязанностей, т.е. правореализация в рамках правоотношений, способствующая приведению в определенный порядок жизни гражданского общества как негосударственной ассоциации граждан.

⁴¹ Протасов В.Н. Правоотношение как система. С. 58.

⁴² См.: там же. С. 7.

⁴³ См.: там же. С. 42.